

Коллектив авторов

Алешкова Ирина Александровна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент (Irina Aleshkova – senior research fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INI-ON RAN), candidate of sciences in law, associate professor) – (2.3 – в соавт. с О.Х. Молокаевой).

Алферова Елена Васильевна – ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (Elena Alferova – leading research fellow at the INION RAN, Head of the Law Department of the INION RAN, candidate of sciences in law) – (Введение; 1.1: Магия техники и горизонты цифрового будущего; 1.2; 1.3).

Захаров Тимофей Владимирович – научный сотрудник ИНИОН РАН (Timofey Zakharov – research fellow at the INION RAN) – (3.1).

Иванова Ангелина Петровна – младший научный сотрудник ИНИОН РАН (Angelina Ivanova – junior research assistant at the INION RAN) – (2.5).

Коданева Светлана Игоревна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (Svetlana Kodaneva – senior research fellow at the INION RAN, candidate of sciences in law) – (1.1: Технологии, право и государство в эпоху блокчейн; 3.2).

Кравчук Наталья Вячеславовна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент (Natalia Kravchuk – senior research fellow at the INION RAN, candidate of sciences in law, associate professor) – (3.3; 4.3).

Красиков Дмитрий Владимирович – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, заведующий кафедрой международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент (Dmitry Krasikov – senior research fellow at the INION RAN, Chair of international law department at the Saratov State Law Academy, candidate of sciences in law, associate professor) – (4.1).

Ловцов Дмитрий Анатольевич – заместитель по научной работе директора Института точной механики и вычислительной техники им. С.А. Лебедева РАН, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Dmitry Lovtsov – Deputy Director of the Lebedev Institute of precision mechanics and computer engineering of the Russian Academy of Sciences, Chair of the information law, informatics and mathematics department of the Russian State University of Justice, doctor of sciences in technology, professor Honored scientist of the Russian Federation) – (2.2).

Молокаева Оксана Хараевна – научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука Рос-сийского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук – (Oksana Molokaeva – research fellow at the IN-ION RAN, associate professor at the N.V. Vitruk Constitutional law Department of the Russian State University of justice, candidate of sciences in law) – (2.3 – в соавт. с И.А. Алешковой).

Скурко Елена Вячеславовна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук (Elena Skurko – senior research fellow at the INION RAN, candidate of sciences in law) – (4.2).

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, руководитель конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (Irina Umnova-Konyukhova – senior research fellow at the INION RAN, Head of constitutional and legal research at the Russian State University of Justice, doctor of sciences in law, professor) – (2.1, заключение).

Черных Андрей Михайлович – доцент кафедры информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия, кандидат технических наук

(Andrew Chernykh – associate professor at the Information law, computer science and mathematics Department of the Russian State University of Justice, candidate of science in technology) – (3.4).

Четвернина Александра Владимировна – научный сотрудник ИНИОН РАН (Alexander Chetvernina – research fellow at the INION RAN) – (2.4).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	11

Глава 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ НА ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

1.1. Философские концепции цифрового общества и государства: Культ техники и технологий	17
1.2. Развитие современного государства: От «электронного» и «сервисного» к «государству как платформе»	30
1.3. Трансформация права в условиях цифровизации	42

Глава 2.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Информационное право как отрасль права нового поколения: Развитие в цифровую эпоху	54
2.2. Информационная безопасность в информационном обществе: Концептуальные и правовые аспекты	77
2.3. Конституционные принципы информационной открытости и конфиденциальности в условиях развития цифровых (инновационных) технологий	96

2.4. Большие данные: Новые возможности и новые угрозы.....	119
2.5. Рынок персональных данных и информационная безопасность: Как инновации «подрывают» основы традиционного правового регулирования	138

Глава 3.

ЦИФРОВЫЕ АЛГОРИТМЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ, СУДЕБНОЙ И ИНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Электронная алгоритмизация государственного управления: Предпосылки становления ее системы и проблемы транспарентности.....	149
3.2. Искусственный интеллект в государственном управлении и правосудии	175
3.3. Автоматизация юридических профессий	183
3.4. Цифровая трансформация системы судебной статистики в Российской Федерации: Организационно-правовые аспекты	195

Глава 4.

ИНТЕРНЕТ-ПРАВО И ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

4.1. Современные взгляды на роль права в регулировании Интернета и техно-утопизм Дж. Барлоу.....	213
4.2. «Сетевой этикет»: Правовое регулирование социального общения и выражения онлайн	225
4.3. Вызовы новых технологий в реализации прав человека: Анализ практики Европейского Суда по правам человека	242
Заключение	254

CONTENTS

Introduction	11

Chapter 1. **THEORETICAL AND METHODOLOGICAL** **FOUNDATIONS OF RESEARCH ON THE TECHNOLOGY'S** **IMPACT ON THE DIGITAL DEVELOPMENT** **OF THE STATE AND LAW**

1.1. Philosophical concepts of digital society and state: The cult of processes and technology	17
1.2. Development of modern State: From «an electronic» and «a service» to «a State as a platform»	30
1.3. Transformation of law in the context of digitalization	42

Chapter 2. **IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES** **ON THE DEVELOPMENT OF INFORMATION LAW** **AND INFORMATION SECURITY**

2.1. Information law as a branch of the new generation of law: Current aspects of development.....	54
2.2. Information security in a digital society: Conceptual and legal aspects	77
2.3. Constitutional principles of information openness and confidentiality in the context of the development of digital (innovative) technologies	96

2.4. Big data: New opportunities and new security threats	119
2.5. Personal data market and information security: How innovations «undermine» the foundations of traditional legal regulation.....	138

Chapter 3.
**DIGITAL ALGORITHMS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN PUBLIC ADMINISTRATION, JUDICIAL
AND OTHER LEGAL ACTIVITIES**

3.1. Electronic algorithmization of public administration: Prerequisites for the formation of the system and problems of transparency.....	149
3.2. Artificial intelligence in public administration and justice	175
3.3. Automation of the legal profession	183
3.4. Digital transformation of the judicial statistics system in the Russian Federation: Organizational and legal aspects	195

Chapter 4.
**INTERNET LAW AND INTERNET TECHNOLOGIES:
LEGAL OPPORTUNITIES AND RISKS**

4.1. Modern views on the role of law in regulation of the Internet and the techno-utopianism of J. Barlow	213
4.2. «Network etiquette»: Legal regulation of social communication and online expression	225
4.3. Challenges of new technologies in the implementation of human rights: Analysis of case-law of the European court of human rights	242
Conclusion	254

Введение

Цифровые технологии стали важным фактором нашей жизни, они стремительно изменяют мир, политические и культурные традиции, производственные и социальные процессы. Формируется новая цифровая реальность в виде «больших данных» («Big data»), искусственного интеллекта (ИИ), блокчейн, умных городов (smart city), Интернет вещей, гипертекстовых библиотек, электронных баз данных и др. Эти технологии одни называют «прорывными», другие – «подрывными». Для этой реальности характерны кардинальная трансформация экономики, прозрачность мира, индивидуализация поведения человека, социальное расслоение в обществе, исчезновение многих старых профессий и появление новых. Эти перемены затрагивают каждого, они беспрецедентны в истории человечества.

Исследователи ведут речь о Четвертой промышленной революции¹. С одной стороны, открываются широкие возможности для развития человека, общества и государства в новой цифровой среде, позволяющие решать многие насущные проблемы. С другой стороны, появляются новые проблемы и угрозы национальной и личной безопасности. Многочисленные социальные сети и интернет-сервисы делают человека открытым, не защищенным, несмотря на все рассуждения о праве на конфиденциальность, тайну личной и семейной жизни, коммерческую тайну и пр. С каждым днем деятельность человека всё больше зависит от его умения работать и жить в условиях, которые диктует эта новая действительность:

¹ Четвертая промышленная революция: Интернет вещей, циркулярная экономика и блокчейн. – URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-promyshlennaya-revolutsiya>; Четвертая промышленная революция https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая_промышленная_революция

даже такая простая, казалось бы, операция, как оплата услуг ЖКХ онлайн или получение пенсии и зарплаты с банковской карточки и др., требует определенных знаний, навыков и умений. Не случайно философы, юристы, социологи и представители других социальных и гуманитарных наук, а также специалисты в области информационных, в том числе цифровых, технологий предлагают вести открытые междисциплинарные дискуссии и «всеобуч» по внедрению их в экономику, управление, правотворчество и правоприменение, в повседневную жизнь каждого. Положительные и отрицательные стороны цифровизации предстоит еще выяснить науке в ближайшем будущем.

Как показывает исследование, внедрение новых информационных технологий невозможно без четкой стратегии научно-технологического развития страны, ее информационной безопасности, изменения правового регулирования общественных отношений, складывающихся в цифровой среде. Соответственно, проблемы трансформации государства и права в условиях тотальной цифровизации представляют значительный интерес как для российских, так и зарубежных ученых.

В данной монографии коллектива ученых и научных сотрудников ИНИОН РАН и Российского государственного университета правосудия отражены точки зрения многих ведущих исследователей на актуальные проблемы, как то: теоретико-методологические и философские основы влияния техники и технологий на цифровое развитие государства и права; формирование информационного права как новой отрасли права и его подотраслей (кибернетическое право, сетевое право, цифровое право, право информационной безопасности, право киберпреступности и др.); кодификация информационного права и регулирование интернет-пространства и интернет-общения. Особое внимание уделяется проблемам функционирования цифровых социальных сетей, в том числе морально-этического поведения в Интернете, и юридической ответственности провайдеров социальных сетей за запрещенные выражения и выражения ненависти онлайн, а также различным моделям правового регулирования информационных отношений, развиваемых, например, в США, ЕС, а также в правовых системах незападной традиции.

Перемещение в цифровую среду подвергает права человека беспрецедентным рискам. Основными из них являются личная конфиденциальность, автономия и демократия. Как следует из

анализа работ многих юристов, цифровой век перевернул многие социальные и правовые нормы и ценности, которые существовали и развивались на протяжении столетий. То же право на свободу выражения мнения в наши дни ограничивается фильтрацией контента или блокированием доступа к нему. В монографии отмечается, что адаптация как национальных, так и международных правил, применимых к новым технологиям, происходит медленно, а действующее право не способно адекватно регулировать ситуации, порожденные технологическими инновациями. Нарушаются границы конфиденциальности и информационной безопасности. Эпоха «больших данных» создает угрозы, связанные с сохранением личной информации и защитой персональных данных. Прослеживается утопизм в оценке взаимосвязи между свободой человека и информационно-коммуникационными технологиями, нарастание разрыва между институтами защиты прав человека и самим человеком в эпоху информационного капитализма.

На международном уровне эта проблема была зафиксирована в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2450 (XXIII) «Права человека и технический прогресс» (1968), в которой было предложено начать процесс междисциплинарных исследований на национальном и международном уровнях, нацеленных на определение стандартов защиты прав человека и фундаментальных свобод от потенциального воздействия новых технологий. Резолюция призвала сконцентрировать усилия на установлении баланса между научным и техническим прогрессом и интеллектуальным, духовным, культурным и моральным продвижением гуманности.

Прошло много лет с момента принятия этой Резолюции, сегодня действуют новые документы, отражающие современные тенденции и проблемы. С учетом современных стратегических доктринальных актов и национального законодательства, принятого в последние годы во многих странах мира, в данной работе рассмотрены концептуальные и правовые аспекты формирования цифрового пространства, электронной алгоритмизации экономики, политики, государственного управления и правосудия, в том числе обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства. Дана общая оценка состояния информационной безопасности, обусловленного применением перспективных средств и технологий. Обоснована парадигма и определены условия обеспечения информационной безопасности функционирования эргатических систем. Показано, как прорывные технологии влияют на

существующие институты государства и права, как они перестраиваются и адаптируются к новым условиям, какое будущее ждет человечество в эпоху блокчейн и искусственного интеллекта (ИИ).

В монографии отмечено, что «подрывные» инновации не вписываются в существующие правовые парадигмы. В действующих актах существуют пробелы или противоречивые положения, так как в момент принятия данных актов «деструктивные» технологии просто еще не появились. Так, экономика свободного заработка в своих сущностных характеристиках не вписывается в концепцию дихотомии наемных работников и независимых подрядчиков.

Искусственный интеллект всё активнее используется практически во всех сферах жизни общества, не стало исключением и государственное управление. Наибольшее число дискуссий возникает относительно перспектив его использования в правотворческой, правоохранительной, правоприменительной, в том числе судебной деятельности. В связи с этим исследуются проблемы реализации своевременных подходов сбора и качественного анализа больших массивов многоаспектной динамической статистической судебной информации (многомерных данных) в целях выявления устойчивых социально-правовых закономерностей и повышения эффективности информационного обеспечения судебной системы; предложен путь и рассмотрены концептуально-логические и организационно-технические аспекты реформирования современной судебной статистики на основе внедрения новой геоинформационной технологии, базирующейся на знаниях о технологии ведения баз данных и моделях пространственных данных.

Отдельный вопрос, рассматриваемый в монографии, посвящен влиянию цифровых технологий на юридические профессии. Обращается внимание на контролируемое использование технологий в целях повышения эффективности работы судей, прокуроров, следователей, адвокатов и др., ибо программы с элементами искусственного интеллекта, призванные заменить собой юриста, могут привести к ущербу для пользователя. Однако это не означает, что следует отказаться от использования программ в этой сфере. Исследование показывает, что будущее юридической профессии лежит между двумя точками зрения – утопической фантазии о том, как искусственный интеллект облегчит работу всем юристам, и алармистским утверждением, что он полностью заменит людей.

Научный интерес у ученых-юристов вызывают также такие актуальные вопросы, как трансформация права в условиях цифро-

визации, формирование цифрового права и др. Право в условиях новой реальности рассматривается не только как средство, инструмент, обеспечивающий цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и как объект воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций. В связи с этим возникает ряд фундаментальных задач, связанных с регулированием общественных отношений в условиях цифровой реальности, которые правовой науке необходимо решать. Среди них: выявление закономерностей и механизмов воздействия цифровизации на право; развитие методологии юридической науки, позволяющей изучать право с позиции соотношения реального и виртуального; «оцифровка» юридических технологий, применяемых в правотворчестве, правовом мониторинге, юридическом прогнозировании, юридическом моделировании, экспертизе проектов нормативных правовых актов и др.¹

Данное исследование продолжает темы: «Государство и право в новой информационной реальности»², «Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет», «Большие данные в социальных и гуманитарных науках», над которыми более четырех лет работает отдел правопведения ИНИОН РАН в сотрудни-

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – М., 2018. – № 1. – С. 85, 101.

² См.: Государство и право в новой информационной реальности: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правопведения; Рос. гос. ун-т правосудия. Каф. информационного права, информатики и математики; отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. – М., 2018. – 268 с. – (Сер.: Правоведение). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41318623>; Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: Ежегодник. – М., 2011. – Вып. 1 / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правопведения; каф. предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. Е.Г. Афанасьева. – 207 с. – (Сер.: Правоведение); Указ. соч. Вып. 2. – М., 2019. – 192 с.; Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. – М., 2019. – 193 с. – (Сер.: Наука, образование и технологии); Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: «Государство и право»: РЖ. – URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>; <http://inion.ru/> (официальный сайт ИНИОН РАН: см. рубрики: «Новые издания ИНИОН РАН»; «Ресурсы»).

честве с коллегами из Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН и учеными-преподавателями кафедры информационного права, информатики и математики и отдела конституционно-правовых исследований (ныне – направления конституционно-правовых исследований) Российского государственного университета правосудия, а также с кафедры предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова.

Глава 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ НА ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

1.1. Философские концепции цифрового общества и государства: Культ техники и технологий

Магия техники и горизонты цифрового будущего. В цифровой технике и технологиях современного типа заключена идея совершенно новой человеческой среды, которая неоднозначно воспринимается исследователями и ее критиками. Однако критика техники оказывается столь же древней, как и сама техника. «Из истории почти всех высоких культур, – признает доктор философии, немецкий историк Р.П. Зиферле, – до нас дошли голоса, в которых можно уловить скептическую настроенность по отношению к технике и пользе изобретений, или по крайней мере техника рассматривается в демонически-зловещем свете»¹. Ученый выделяет несколько моделей критики техники, культуры, цивилизаций. Первоначальные движения «разрушителей машин» как форма протеста были весьма популярным феноменом начала XIX в. Ремесленники и квалифицированные рабочие видели в машине конкурента, угрожавшего их рабочему месту и социальному статусу. В последнее десятилетие XIX в. сформировалось движение интеллектуального «антимодернизма», видевшего в технике и экономике важнейший предмет своей критики. Р.П. Зиферле называет ее консервативной. «Консервативная критика цивилизации нападала почти на все аспекты современного индустриального общества, которое тогда уже обретало свои основные признаки и строила свою аргументацию исходя из перспективы упразднения существующего положения вещей. Оно смотрело назад, на лучшее

¹ Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 257.

прошлое, которому грозила гибель... Обычно использовалась излюбленная метафора о “господине и рабе”, с помощью которой пытались понять технику»¹.

Господство техники проявилось в том, что человек сам приобрел черты машины: он стал автоматом, безвольно оказавшимся во власти самодвижущихся технических систем, которые уже не являются средствами для достижения цели, а стали самоцелью. Возникла мысль об автономии техники, которая связывалась со способом аргументации, исходящей из понятия «отчуждение».

Этот мотив автономии техники сделал в XX в. примечательную «карьеру». Сложилось три типа аргументации:

1) модель критики техники, согласно которой техника спонтанно несетя к автоматическому «совершенству» (Ф.Г. Юнгер), подминающему под себя подлинно человеческое;

2) технократическая модель (О. Шпенглер, Э. Юнгер). В 20-е годы XX в. технический мир рассматривался уже «как судьба», которую следует осилить. Она внесет структурный порядок в мир, который иначе может стать нестабильным и духовно опустошенным. Поэтому «технократия» – точное отражение отчужденной техники, с той лишь разницей, что теперь уже не ждут, будто техника может быть подчинена «человеческим целям». И именно в этом – ее структурирующая функция;

3) неомарксистская модель (Г. Маркузе, Ю. Хабермас). В XX в. экономика и техника рассматриваются как «опредмеченности», ставшие чуждыми человеку, которые, однако, деятельностью «разума» должны быть вновь приведены в подчинение человеку. Этот мотив обнаруживается и у представителей Франкфуртской школы от Г. Маркузе до Ю. Хабермаса. Здесь много точек соприкосновения с консервативной критикой техники, однако перспектива иная: если культурологическая критика направлена против процесса модернизации в целом, то неомарксистская модель ориентирует на прогрессивное завершение «проекта модернистов» (следовательно, на полное подчинение всей техники, экономики и общества «господству разума»).

В современных движениях протеста можно увидеть слияние консервативной и неомарксистской критики техники. Это проявляется в том, пишет Р.П. Зиферле, что данные движения до сих

¹ Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 266.

пор еще не выработали никаких, достойных внимания теоретических проектов, с помощью которых можно было бы ввести устойчивый порядок в этот каталог восприятий и требований. Многие проекты исключают друг друга, иные же, если бы они были осуществлены, привели бы к катастрофическим последствиям. Они едины лишь в том, что индустриально-технический мир грозит нам бесчисленными опасностями, так что каждое нововведение вызывает прежде всего мысль о дальнейшем ухудшении¹.

Напротив, сторонники идеи прогресса отдают предпочтение культуре техники и технологий, машины. В машине человек видит собственное продолжение. Миф машины настойчиво предлагает человечеству более совершенную альтернативу развития. Однако, по Э. Дэвису, «миф машины – утопическая вера в то, что машина может открыть человеку в другие миры»². Миф машины создавался для расширения власти над природой и людьми. По мнению И.А. Исаева, идея власти была заложена как в основу мифа машины, так и в основу самой ее деятельности. «Технологический миф, – пишет он, – теперь обретает новые черты. Становящаяся суверенной техника оказывается на стороне политического глобализма. Тотальный характер технизации, когда все связано со всем, уже очевиден. Множественность властных центров, которая свойственна техническим системам, разрушает представления о государственном суверенитете. Техника космополитична, но не нейтральна. Политика государств и их законодательство приспособляются к ее настойчивым требованиям. Целые отрасли – промышленное право, экологическое право, аграрное право и др. – уже включены в сферу ее императивного воздействия, Экономика уже давно находится под контролем технологий: джинн вырвался наружу – и все переменялось...»³.

Технологии могут принести пользу всем, однако наибольшие преимущества имеют те, кто обладает необходимыми средствами и знаниями и желанием учиться использовать новые инструменты⁴. Ник Бостром (N. Bostrom), профессор Оксфордского

¹ См.: Зиферле Р.П. Указ. соч. С. 267–269.

² Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. – Екатеринбург, 2017. – С. 158–159 (цит. по: Исаев И.А. Технология власти. Власть технологии. – М.: Проспект, 2019. – С. 41–42).

³ Исаев И.А. Технология власти. Власть технологии. – С. 42–43.

⁴ См.: Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. – URL: <https://www.libfox.ru/567046-nik-bostrom-faq-po-transgumanizmu.html> (дата обращения: 24.02.2020).

университета, директор Института «Будущее человечества», пытается доказать, что будущее влияние искусственного интеллекта (ИИ) является самой важной проблемой, с которой когда-либо сталкивалась человеческая раса. По Бострому, существует множество вариантов экспертных оценок относительно будущего, уготованного искусственному интеллекту. Разногласия касаются и времени его появления, и того вида, в каком он когда-нибудь предстанет перед миром. Прогнозы перспектив развития ИИ, по мнению Бострома, – различны и не в состоянии дать полную картину всех современных положений по этой теме. Однако проведенные автором опросы специалистов и высказанные ими частные мнения по вопросу: что они ожидают от появления искусственного интеллекта человеческого уровня (ИИЧУ) (причем *уровень*, замечает автор, определялся как «способность освоить большинство профессий, по крайней мере тех, которыми мог бы владеть среднестатистический человек»), строились на предположении, что «научная деятельность в этом направлении будет продолжаться без серьезных сбоев». По данным выборки получились следующие средние оценки:

- 2022 г. – средний прогноз с 10%-ной вероятностью;
- 2040 г. – средний прогноз с 50%-ной вероятностью;
- 2075 г. – средний прогноз с 90%-ной вероятностью.

Результаты этого исследования Н. Бостром рассматривает с некоторой долей скептицизма. «На сегодняшний день, если брать уровень общего интеллектуального развития, машины абсолютно уступают людям, – пишет он... – Но однажды – разум машины превзойдет разум человека... Это ознаменует собой начало новой эры»¹.

Какой будет эта эра? Одни исследователи смотрят в будущее с надеждой, другие – с тревогой. Так, Н. Бостром, рассуждая о генной модификации клеток живого организма, создании новой генерации людей путем биологического улучшения интеллектуальных способностей, особенно основанного на генетической селекции, выделяет три важных момента: «1) при помощи биотехнологических методов мы способны прийти к существованию сверхразума, по крайней мере к его начальной стадии; 2) появле-

¹Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М., 2016. – URL: https://royallib.com/read/bostrom_nik/iskusstvennyy_intellekt_etapi_ugrozi_strategii.html#0 (дата обращения: 04.03.2020).

ние интеллектуально усовершенствованных людей увеличивает возможность осуществить когда-нибудь развитие искусственного интеллекта до высокоразвитых форм, поскольку сама задача создания ИИ будет абсолютно доступна и проста для усовершенствованных людей нового поколения...; 3) ... вполне допустимо появление поколения генетически усовершенствованных групп людей: избирателей, изобретателей, ученых, причем показатели улучшения их когнитивных функций будут увеличиваться от десятилетия к десятилетию»¹. Что это звучит провокационно, соглашется сам исследователь, но прогресс на пути биологического развития, полагает он, вполне реален.

Современные футурологи пытаются предсказать развитие технологий и будущее человеческой цивилизации. Р. Курцвейл в своей книге «Сингулярность уже близка» («The Singularity is Near») предвещает, что время, когда искусственный интеллект превзойдет человеческий, наступит совсем скоро, это событие произойдет в 2045 г., после чего люди «преобразуют биологию и будут существовать во Вселенной в качестве бессмертных киборгов»².

Анализируя в своей книге «Цифровой тоталитаризм» работы ведущих трангуманистов, О.Н. Четверикова, описывает тревожную картину нового мира. «Их излюбленная тема, – замечает автор, – “научный иммортализм”, т.е. достижение бессмертия путем “цифрового метемпсихоза” (переселения души), при котором происходит полное копирование человеческого мозга на компьютере для создания цифровой копии человека. Поскольку человеческая личность рассматривается как носитель генной информации, закодированной в ДНК, а мозг – как нейрокомпьютер, то бессмертия собираются достичь путем “динамического переноса” сознания с одного медианосителя в другой»³. О.Н. Четверикова утверждает, что трангуманисты не только декларируют свои цели, но и открыто демонстрируют методы их достижения, абсолютно не скры-

¹ Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М., 2016. – URL: https://royallib.com/read/bostrom_nik/iskusstvenniy_intellekt_etapi_ugrozi_strategii.html#0 (дата обращения: 04.03.2020).

² Человек, который предсказал всё: Рэй Курцвейл о будущем технологий. – URL: <https://vc.ru/future/6626-kurzweil> (дата обращения: 17.02.2020).

³ См.: Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм: как это делается в России. – М., 2019. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=668249&p=1> (дата обращения: 17.02.2020).

вая, что речь идет о создании системы всеобъемлющего электронного контроля над человечеством¹.

Э. Шмидт и Дж. Коэн в книге «Новый цифровой век: Преобразуя будущее народов, стран и бизнеса» также заявляют о конце частной жизни и анонимности как таковой². Аналогичного мнения придерживается Ю.Н. Харари. Предстоящая технологическая революция, пишет он, может установить власть алгоритмов, и тогда об индивидуальной свободе можно забыть. По его мнению, сегодняшний человек труда с каждым годом чувствует себя все более неуместным. Робототехника способна вытеснить огромное количество людей с их рабочих мест. «Небольшая элита может править с помощью цифровой диктатуры благодаря алгоритмам больших данных. Большинство людей будет страдать не от нещадной эксплуатации, а от полной бесполезности... Технологическая революция может обернуться катастрофой, если что-то пойдет не так»³.

Технологии, замечает Харари, способствуют глобализации, но «как знать – возможно, полезнее будет повернуть вспять, вновь вернуться к национальным государствам, к древним религиозным традициям?.. Возможно, когда искусственный интеллект еще больше усовершенствуется, в финансах вскоре не сможет разобраться никто, так что правительства будут слепо полагаться на алгоритмы... Люди не должны полагаться на алгоритмы, вместо этого они могут обслуживать их и правильно использовать»⁴.

К 2050 г., предполагает автор, развитие искусственного интеллекта и машинного обучения изменит все привычные формы трудовой занятости. Каким будет характер изменений? Мнения разделились: одни эксперты предполагают, что за несколько десятилетий миллиарды людей останутся без работы, другие – что рабочие места просто станут другими, и для них потребуется другая квалификация. Кто из них прав, сегодня сказать трудно.

Как видим, с одной стороны, перед читателем встает картина фантастического будущего, населенного людьми со сверхспособ-

¹ См.: Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм: как это делается в России. – М., 2019. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=668249&p=1> (дата обращения: 17.02.2020).

² Schmidt E., Cohen J. The new digital age: Transforming nations, businesses and our lives. – New York, 2013.

³ Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2019. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=649347&p=1> (дата обращения: 15.03.2020).

⁴ Там же.

ностями и имплантатами в виде нейрокомпьютерных интерфейсов, позволяющими человеку использовать всю мощь электронных вычислений, и сверхразумными роботами, с другой – все выгоды и риски, которые связаны с новыми цифровыми технологиями, идеи, методы и реальность, составляющие основания техницизма, приобретают в современном мире совершенно новые значения.

Магическая вера в технику и эйфория массового сознания, обусловленная компьютеризацией, декларирование создания цифровой экономики и цифрового правительства рождают вместе с новыми идеями и новую реальность, к которой следовало бы относиться с осторожностью, как до конца не познанной тенденции. Уже сегодня в результате использования систем наблюдения, осуществляемых на добровольной или обязательной основе, накоплены огромные объемы информации о поведении человека. На сайтах социальных сетей многие люди делятся своей личной информацией. Автоматизированный анализ этих потоков информации может быть использован как во благо, так и во зло. «Что нужно сделать?» – задают вопросы исследователи. С их точки зрения, следует сосредоточить силы на проблемах, не просто важных, но неотложных в том смысле, что их нужно разрешить раньше, чем произойдет взрывное развитие интеллекта, воздерживаться от работы над задачами с отрицательной ценностью, т.е. решений, которые могут принести вред. Отрицательную ценность могут иметь некоторые технические задачи в области искусственного интеллекта, поскольку их решение может подстегнуть развитие этого направления, опережающее создание методов контроля, которые все-таки призваны помочь человечеству пережить революцию машинного интеллекта и получить выгоду от нее¹.

Современный мир мало чем отличается от того, что мы привыкли видеть в фантастических романах: внедрение тотальной автоматизации, новые виды транспорта, биотехнологии, искусственный интеллект, геновая инженерия и т.п. Многие уже не мыслят себя без социальных сетей, электронных сервисов, поисковых систем и мессенджеров, электронной торговли, цифровых платформ и технологий по типу «блокчейн», удаленных сервисов, применяемых в самых разнообразных областях человеческой деятельности.

¹ См.: Бостром Н. Указ соч.

Мир усложняется с каждым днем, «ослепляя иллюзией новых знаний и технологий»¹.

Технологии, право и государство в эпоху блокчейн. Технология «блокчейн» ставит перед юристами новые вызовы, что подняло волну обсуждений и предположений о будущем государства, его суверенитета и права. Наибольшей популярностью пользуется тема криптовалют и их влияния на финансовые рынки, легализация и отмывание денег, что заставляет некоторых исследователей говорить о том, что финансовые системы становятся нерегулируемыми. Менее обсуждаемыми, но более значимыми в долгосрочной перспективе являются иные возможности данной технологии, начиная от возможностей регистрации (например, недвижимости) и заканчивая смарт-контрактами, влияние которых на правовые системы и государство еще менее очевидно.

Технология блокчейн обладает тремя ключевыми признаками: 1) это система регистрации последовательного ряда элементов; 2) она использует криптографию, что практически исключает возможность подделки реестра; 3) она основана на согласованном процессе хранения копий и добавления новых записей. Следовательно, если не сводить блокчейн исключительно к криптовалютам, то станет очевидным, что данная технология может использоваться в самых разных вариациях. Например, блокчейн может быть создан консорциумом, который установит собственные правила, по которым будет происходить обработка информации, включая персональные данные. Кроме того, вместо распределенного механизма консенсуса стороны могут согласиться использовать своего рода «консенсус по полномочиям».

Соответственно, в долгосрочной перспективе блокчейн может привести к изменениям в том, как работают государственные институты и правовые системы. Одна из многих интересных особенностей технологии blockchain заключается в том, что она не только основана на правилах (как и многие информационные технологии), но и может быть развернута таким образом, чтобы автоматизировать работу процессов, основанных на правилах, как для запуска, так и для документирования событий новыми способами и в очень больших масштабах. Два десятилетия назад Джоэл Рейденберг предположил, что пришло время для «Lex Informatica»,

¹ Харари Ю.Н. Указ. соч.

когда «политики... должны использовать нормы Lex Informatica в качестве эффективной замены закона, где желательны самоисполняющиеся, индивидуальные правила». Кристофер Миллард полагает, что этот тезис, радикальный в то время, соответствует эпохе блокчейна¹.

И действительно, лица, создающие вычислительные транзакционные системы и формирующие институты разрешения споров и правоприменения, в настоящее время являются «нормотворцами», решающими, какие формы поведения разрешены и какие формы права установлены. Во многих отношениях эти инженеры создают собственные правовые стандарты, по которым осуществляются сделки на их платформах. При этом их санкционирующей силой является доминирование на рынке.

При этом возникает разрыв между технологиями и правом, потому что юристы рассматривают стандарты функционирования блокчейн как технический вопрос, в то время как технические специалисты рассматривают стандарты как «юрисдикционный» вопрос. Однако, на наш взгляд, стандарты принимают характер и тех и других, и их следует рассматривать как гибридные технико-правовые инструменты. В любой конкретной области стандарты представляют собой мозаику правил, которые структурируют модели поведения. Несмотря на то что в целом они создаются частными лицами, рыночные и инфраструктурные властные отношения делают установление стандартов процессом нормотворческим и квазизаконодательным.

Для примера обратимся к истории Средних веков, когда только происходило формирование общего права в форме властных предписаний. Эти ранние предписания были технологическими артефактами, которые связывали человеческое поведение с исполнительными институтами судов. Причем составлялись они не судьями, а юристами, которые разрабатывали первые юридические стандарты. Эти стандарты становились основой предписаний, издаваемых Королевским судом. В XII в. тяжба между частными лицами могла дойти до Королевской канцелярии только в том случае, если стороны были вызваны самим королем. Средством вызова служили специальные юридические формулы, предписания. Как описывает Мэтью Хейл в своей истории общего права,

¹ См.: Millard C. Blockchain and law: Incompatible codes? // Computer law & Security review. – 2018. – Vol. 34. – P. 846.

после того как юристы превращают обычаи в законные предписания судебной власти, происходит формирование общего права, которое определяет, какие из существующих обычаев являются хорошими и разумными, а какие – неразумными и неприменимыми¹. Далее, общее право придает тем обычаям, которые оно считает разумными, обязательную силу. Оно определяет, что такое продолжительность времени, достаточная для того, чтобы создать такой обычай, наконец, общее право решает вопрос о толковании, ограничениях и распространении таких обычаев.

Иными словами, средневековое общее право представляло собой формулярную систему, содержание и базовая структура которой в значительной степени определялись реестром судебных актов. Соответственно, возможность обращения в суд с иском полностью зависела от наличия подходящей формы в реестре.

Аналогичный процесс происходит и сейчас: по мере того, как формы правового поведения на блокчейн-платформах становятся все более понятными, современная практика разработки юридически приемлемых сделок создает библиотеку возможных взаимодействий с техно-правовым миром.

Однако возникает фундаментальный вопрос о том, кто будет «верховным судьей» в этой системе, а также о том, на основании каких правовых норм будут разрешать споры. Формирующийся сейчас тип права, тип сделок, которые разрешаются и запрещаются, и процедуры разрешения споров, которые задействованы, – это вопросы политические и технические. Разрешение споров может принимать различные формы: это могут быть односторонние решения руководящих органов или судебное вмешательство. Однако техническая и нормативная форма этих механизмов оспаривания еще не определена.

Ключевые проблемы связаны с тем, что судебные и исполнительные органы власти не имеют возможности технически повлиять на исполнение смарт-контрактов, а также с их географической децентрализацией. Соответственно, возникает конкуренция между наднациональными институтами арбитража и национальными правительствами. Следовательно, возникает вопрос о юрисдикции – должны ли это быть принципиально новые международ-

¹ См.: Goldenfein J., Leiter A. Legal engineering on the blockchain: ‘Smart Contracts’ as legal conduct // Law critique. – 2018. – Vol. 29. – P. 145. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10978-018-9224-0> (дата обращения: 10.01.2020).

ные нормы или, к примеру, должно применяться английское право, как в морском арбитраже. Вопрос о суде – не просто формальность; это юрисдикционный механизм, который делает закон действующим. Юрисдикция отсылает нас, прежде всего, к вопросам власти и полномочиям говорить от имени закона.

Различные методы и подходы к урегулированию деловых споров отражают постоянное напряжение между обладателями экономической власти, которые оказывают давление, чтобы контролировать то, как их конфликты решаются, и относительно небольшим числом юристов-практиков, которые стремятся получить большую долю прибыльного рынка, представленного коммерческими спорами. Разрешение споров на блокчейне теперь становится полем борьбы такого же рода, только теперь между создателями Эфириума, Меттериума и подобных платформ, с одной стороны, и национальными правительствами, стремящимися стать «Силиконовой долиной криптоэкономики», – с другой. Кроме того, есть еще и сторонники либертарианской идеологии, которые поддерживают арбитражные механизмы, основанные на индивидуальной свободе в форме согласия сторон.

Вопрос о юрисдикции в мире блокчейн – это также вопрос суверенитета. Так, Сара и Бэн Мански отмечают, что, по мнению многих исследователей широкое распространение технологии блокчейн будет означать конец современного суверенного государства. Особенно часто такие предсказания звучат в банковской сфере¹.

Быть суверенным – значит обладать «высшей, непреодолимой, абсолютной, бесконтрольной властью» и быть свободным от ответственности за свои поступки. Понятие суверенитета вошло в широкое употребление в ходе демократических и республиканских революций XVIII в., когда божественное право монарха на управление заменялось принципом народного суверенитета «*Vox Populi, Vox Dei*». Тогда концепция суверенитета была призвана узаконить ту или иную форму территориального господства и воспрепятствовать оспариванию этого господства. Если обобщить все последующие дискурсы, то под суверенитетом подразумевается всеобщее признание исключительного права устанавливать правила поведения в пределах определенной области действия.

¹ См.: Manski S., Manski B. No gods, no masters, no coders? The future of sovereignty in a blockchain world // Law critique. – 2018. – Vol. 29. – P. 152.